НЕЙРОКЛЕТЬ

Андрей Васютин

Андрей Валерьевич Васютин
Нейроклеть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69144427
SelfPub; 2023

Аннотация

Олеже Хренову, немного аутичному программисту с Новых Черёмушек, повезло: он смог раздобыть микроинвазивный нейроконнектор и доработать его. Теперь он – первый человек в обитаемой Вселенной, напрямую соединившийся с нейросетью. Гипити – так Олежа назвал нейросеть – умеет управлять его восприятием, речью и телом. Этого вполне достаточно для того, чтобы стать суперменом. Настоящим. Не из комиксов. Совсем скоро Олежа будет богат, разберётся с обидчиками, сможет окунуться в приключения ночной Москвы, одним днём устроится на управленческую позицию в большую компанию, и наконец завоюет девушку, портфель которой за одиннадцать лет учёбы он так и не решился поднести. Но, кажется, Гипити не совсем согласна с отведённой ей ролью. (Книга написана для литературной премии «Новые Горизонты»)

Андрей Васютин
Нейроклеть

– Я не запутывался, – сказал Олежа. – То есть… не записывался. Нет. Понимаете, мы с…

– Запись к Дмитрию Андреевичу обязательна, – холодно и высокомерно сказала секретарша.

«Ну вот и всё, – сказал себе Олежа. – Не получилось. Но я пробовал! Пытался! Пусть теперь она не говорит!».

Всё дело, конечно, в интонации. Ещё с детского сада Олежа знал: если взрослая тётя говорит так, что от её голоса стёкла обволакивает инеем, и хочется замотаться в одеялко, или хотя бы натянуть на голову шапочку – ту самую, с висячими ушками, острым будённовским шпилем, верёвочками (на самом деле, с одной, а вторую демонстративно оторвал утром в раздевалке Пархат), то самое лучшее, что можно сделать – это молчать, стоять где-нибудь сбоку и отчаянно сливаться с окружающей обстановкой.

Секретарша неприязненно поглядывала на него, изображая занятость, от которой её вероломно оторвал нежданный и неприятный лично ей посетитель. В воображении Олежи обреталась она где-то там, в невозможной высоте: на макушке склизкой от крови майянской пирамиды, или на сумрачном троне из слегка подплавленных мечей врагов, или, в конце концов, за изрисованным со стороны класса учитель-

ским столом: а как, спрашивается, можно сидеть и при этом взирать сверху?

– Можно я загляну? На минутку?

Олежа сказал, и сам удивился своей дерзости.

Ведь уже всё. Дело решённое. Без предварительной записи – нельзя. Однако перед глазами у него маревом плавало лицо Оли, пренебрежительно и как всегда свысока наблюдающее за ним. Лицо её выпускало в мир фразу – любую, рандомную, хоть про вытяжку, хоть про «нам нужно поговорить», и в голове Олежи тут же начинали колотить в медные тарелки обезьяны, и следовало стоять ровно, отвечать лаконично, стараться угадать правильный ответ.

– Пойдёшь к этому Димусику, – сказала Оля, делая внушительные паузы после каждого слова. – Я последний раз тебе говорю. Больше повторять не буду. Или к нему мне пойти?

Отчего-то это предложение Оли пугало его сильнее всего; он не мог ясно и недвусмысленно сформулировать, почему.

– Схожу, – сказал Олежа, обнаружив, что правый его носок порвался и пробуя незаметно подвернуть одну ступню под другую.

– Когда? – спросила Оля.

– Завтра, – ответил Олежа, потом решился поднять глаза на Олю, и добавил: – До обеда.

– И что скажешь?

– Что у меня есть тема для…

– Революционная!

– Да. Революционная тема для разработки. На стыке медицины и программирования.

Оля пристально смотрела на него с полминуты – и он изо всех сил принуждал себя держать глаза открытыми – а потом приподняла брови, отправила зрачки куда-то вбок, сурово цокнула, измождённо вздохнула, развернулась, и ушла в ванну. Олежа же, зябко ступая по холодному и скользкому линолеуму, прошёл к себе, присел на стул и отмотал файл с кодом на середину, где, как он только что понял, можно было существенно упростить семантику.

– Я не знаю, – сказала секретарша, потом всё же посмотрела на Олежу, и добавила: – Я не знаю, что вам можно, а чего нельзя. Если у вас больше нет вопросов, то…

Олежа догадался, что цикл подошёл к концу, и следует либо запустить его снова («Здравствуйте, могу я видеть Дмитрия Андреевича?»), либо завершить. Удалиться. Он развернулся, сузил глаза, чтобы видеть только то, что находилось непосредственно перед ним, и толкнул дверь приёмной.

– Ксеня! – раздался позади громкий голос, и Олежа замер.

В девятом классе они с Димчиком ненадолго сдружились на почве только вышедших Баттлфилда, Крайзиса и Дидспейса, и зарубались в них у Димчика дома, пока его папа, видный медицинский деятель, разъезжал по конференциям. Олежа непроизвольно скользнул туда, в исшарпанные школьные коридоры, затхлую раздевалку, пугающий туалет, а потом нечаянно вспомнил, как часами просиживал у ба-

бушки на балконе, и выплетал, спутывал, вязал, свивал самые разные фигурки из шнура от капельниц, и выходили у него человечки, чёртики, рыбки, брелки, и не было у него никаких этих пугающих неопределённостей с интонациями, выражениями лиц, непонятными полями в важных документах, и ожиданиями других людей относительно его самого.

– Дмитрий Андреевич, я отдельно им говорила, но там тупые сотрудники. Реально тупые. Они…

– Это, конечно, должна быть очень увлекательная история. Очень. Я надеюсь. Потому что иначе то время, на которое ты оторвёшь меня своим рассказом, я вычту у тебя из зэпэ. Перезаказывай. Моментом. О. Это кто?

– Привет, Дим, – сказал Олежа. – Андреевич.

– Эээ, – сказал Дим Андреевич, и посмотрел на секретаршу. Та закатила глаза.

– Я Олег. Хренов. Помниш… те?

– А, – без особого воодушевления сказал Дима. – Ты чего?

– Да я, понимаешь… – начал было Олежа, но губы Димы поехали вверх, глаза сузились, щёки взбухли: это был верный признак того, что он придумал какую-то «аццкую» шутку, и теперь же, прямо сейчас, намерен вышутить её в мир.

– Сиськи делать пришёл? – во весь голос вопросил Дима, и секретарша прыснула. – Лан, давай. Семь минут.

Он махнул рукой, и скрылся у себя в кабинете. Секретарша строго посмотрела на Олежу, медленно подняла левую руку к своему лицу и постучала пальцем по пустому запя-

стью. Олежа споро подошёл к двери, рванул её на себя, разобрался, толкнул, и вошёл внутрь.

Внутри оказался дизайн. Обычно Олежа не обращал внимания на то, как выглядят помещения, но тут это оказалось невозможным. Пространство, пропитанное каким-то нездешним, инопланетным, уж точно не московским светом, сложные потолки, витрина во всю стену с внушительными грамотами, медалями и кубками, стеллаж, матово бликующий корешками, ряд постановочных фото: Дмитрий Андреевич с этой актрисой (как её?), и с этой (кажется, это… нет, не помню), и с этой (ааа! нет, не она), а вот этот, как же он там… Отдельный закуток занимал роскошный и явно дорогой лежак («уж тысяч двадцать наверняка», – подумал Олежа), как у стоматолога: со сложной начинкой вместо пьедестала и с регулируемыми подножьем и спинкой.

– Я на секунду буквально, – сказал Олежа. – Мне, понимаешь…

– Да ты проходи, – сказал Дима, падая в крутящееся кресло у себя за столом и делая насмешливое лицо. – Присаживайся. Эээ, нет, давай вот лучше туда. Ага. Ну. Рассказывай. Что там случилось.

– У тебя есть микроинвазивные нейроконнекторы? – выпалил заученное Олежа и замолчал.

– Тебе зачем? – спросил, не удивившись, Дима. – Кому?

– Понимаешь, ты у меня один знакомый из этой сферы, – принялся объяснять Олежа. – Не медик, конечно, но пласти-

ческие же тоже ведь… А я и гуглил уже, и даже звонок хотел делать…

– Алло, – сказал Дима, не дождавшись продолжения. – Ты не заснул? Дальше что?

– Если сделать, – собрался с духом Олежа, – двунаправленное асинхронное соединение нейросети с пулом перцептивных рецепторов, через имплант, и дальше, например, в телефон, это же мобильность! Но только там с частотами придётся подшаманить… В общем… Но это решаемо… Да. Тогда можно капсулировать данные непосредственно в систему восприятия. Понимаешь? Это как сфинктер! Только он в обе стороны. Сначала – сюда, и потом обратно. Управляемая мембрана! И стабилизацию сигнала тоже можно удержать, я тут прикинул, правда, погрешность пока ещё недостаточно…

– Стоп-стоп-стоп, – поднял ладонь Дима. – Ещё одна попытка. Только по-русски. И без сфинктеров своих. Давай.

– Можно перекидывать данные из компьютера напрямую в мозг, – сказал Олежа. – И обратно. Я придумал, как.

– Да это давно уже придумали, – вальяжно сказал Дима. – Без тебя. Нейроимпланты. Почитал бы профильную литературу, что ли. И лучше – ихнюю. В «Ланцете» предпоследнем было, кстати. Внешняя система целеуказывает мышечным группам. Параллелит соматику. Потребители – парализованные, постинсультники, альцгеймеры. Геймеры, – он коротко хохотнул. – Ты про это?

Дима выдвинул ящик стола, покопался в нём, и показал облитую прозрачным пластиком коробочку, во весь бок которой улыбалась морщинистая сухенькая пара одинаковых старичков.

– Можно? – протянул руку Олежа.

– Не, – сказал Дима, с сомнением глядя на него через весь кабинет. – Дорогая вещь. А ты что хотел-то? О. Давай сюда. Заменили?

Внутри обнаружилась секретарша. Она по неоптимальной дуге прошла к столу и поставила на него крафтовый пакет. Лицо её было напряжённым.

– Вот, – сказала она.

– Всё, иди, – погнал её длинными пальцами Дима. – На сколько опаздывает?

– Говорит, минут двадцать, – сказала она. – Мне подержать в приёмной?

– Я тебе подержу, – ответил Дима. – Я тебе так подержу. Чтоб сразу тут! Ясно?

Секретарша, оглядываясь, выскочила за дверь, а Дима зашуршал пакетом.

– Я попробовал… – начал было Олежа, но Дима его перебил:

– Пять минут у нас. Стой!

Он что-то нащупал там, в недрах – что-то такое, что разом испортило ему настроение, с досадой зажмурился, крякнул, встал, ударив креслом в стену, и прошагал мимо Олежи к

выходу. Дверь хлопнула, и в приёмной немелодично заорали. Не понимая, что он делает, Олежа суетливым и одновременно ловким движением, напомнившим ему самому Голлума, подбежал к столу, схватил со стола коробку («моя прелесть!»), в десяток мелких шажков – но один гигантский для человечества! – проскакал через кабинет, и высунул голову в открытый космос.

– Они не разлагаются! – кричал, нависнув над секретаршей, Дмитрий Андреевич. – Миллионы лет! Миллиарды! Тупая ты овца! Я тебе как говорил? Обеды – только в биоконтейнерах! Только! Ты вообще отличаешь синтетику от органики? На окружающую среду тебе плевать? А? Куда смотришь?

Олежа юрко скользнул к выходу, беззвучно прикрыл за собой дверь и, старательно задавливая невесть откуда поднявшееся ликование, поскакал по широкой лестнице.

«Тупая ты овца!», – с незнакомым восторгом шептал он вслух на каждой лестничной площадке, зацепляясь за перила, чтобы сделать рискованный разворот. Про лифт он и не вспомнил.

***

Выбрать вечером место и время оказалось настоящей проблемой. Оля по установившимся правилам занимала ванну с девяти и до укладывания. Других запирающихся изнутри помещений в бабушкиной хрущёвке не было. Терпеть же до ночи не было никакой возможности.

Олежа уже успел повозиться с нейроконнектором.

Для начала прикрыл дверь к себе на балкон, задвинул, как мог, ветхие шторы – хотя в квартире никого, кроме него, не было – затем педантично, в перчатках, вскрыл коробку, аккуратно распределил содержимое по столу, стараясь добиться симметричности и в вертикальной, и в горизонтальной осях, и сел за мануал, открыв на ноуте сайт производителя. На всякий случай. Далее, следуя инструкции, прямо через податливую стенку капсулы прижал чип посередине (сразу же там, внутри, запульсировал прокол красного пикселя), скачал через випиэн приложение, законнектился, и проверил штатные функции.

Всё работало должным образом.

Ножки чипа, плавающего в прозрачной капсуле, шевельнулись, пиксель стал сначала жёлтым, а потом зелёным, и приложение вывело на экран схему инсталляции.

Но этот этап нуждался в предварительных доработках.

Олежа провозился с софтом до вечера. Уже закончив новую сборку и запустив её заливку в чип, он услышал щёлканье входной двери, и похолодел.

– Где йогурт и нарезка? – крикнула через минуту Оля с кухни. И ещё через двадцать секунд: – За котом этим твоим бабушка убирать будет? Иди сюда!

Олежа терпеливо выслушал привычный набор предложений, допущений и метафор, поменял лоток у кота, поставил на скорую руку вариться картошку, и вернулся к себе на бал-

кон.

Всё уже закачалось. Чип в капсуле выдавал парные зелёные сигналы через каждые десять секунд, и это значило, согласно документации для разработчиков в закрытом разделе, что новая сборка накатилась без сбоев. Индикатор заряда показывал девяносто шесть процентов. Можно было стартовать.

Олежа, понимая все риски, сложил ноут, прихватил капсулу, и на всякий случай чаржинговую манжету на липучке, если потребуется вдруг подзарядиться в процессе или после, а потом, неслышно шагая мягкими ступнями, покрался через зал к ванной. Оля говорила в спальне прерывающимся голосом, полностью забравшись для чего-то под одеяло. Отлично! Удача сопутствовала рисковым.

У него было порядка пятнадцати минут. Этого должно было хватить. Но сначала под дверью принялся орать кот, и пришлось уже простерилизованными руками открывать ему дверь, а потом он походил вокруг лотка и, нагло глядя в глаза Олежи, пристроился на коврик и исполнил мокрое пятно. Ликвидация безобразий и повторная стерилизация отняли половину имеющегося запаса времени. Нужно было спешить.

Олежа проверил надёжность защёлки. Двадцать секунд помолчал внутрь, принуждая себя дышать длинно и ровно. Снова запустил на телефоне приложение. Авторы мануала всё так же наивно предлагали начать инсталляцию, не подо-

зревая, что функционал приложения переписан чуть более чем полностью. Он достал капсулу. Выложил её на заранее приготовленное блюдечко. Тапнул в телефон. Всё. Следующее действие будет уже необратимым.

Чип приглашающе подмигнул зелёным, и Олежа, держа капсулу торчком, аккуратно развинтил её, стараясь не пролить ни капли анестезирующей жидкости. Достал чип. Ножки его едва заметно шевелились – это активировался поисковый режим. Не давая себе времени на мысли и сомнения, Олежа опрокинул содержимое капсулы на заранее выскобленный бритвой участок шеи под затылком, и тут же поднёс туда чип. На мгновение ему представилось, что он – это Нео, возвращающийся наконец обратно, домой, в жизнь, наполненную яркими и правдоподобными событиями.

Больно не было. На самом деле, Олежа боялся даже не боли – уж её-то можно было вытерпеть – а щекотки, потому что из-за резкого движения чип мог упасть и повредиться. Но ощущений не было никаких. Совсем. Либо на точке внедрения, которую отыскал чип, не было нервных окончаний, либо подействовал анестетик. Олежа взял телефон, чтобы закончить установку, но тут ручка двери дёрнулась – сначала разово, потом, после паузы, продолжительной серией, и с той стороны забухал кулак.

– Ты охренел? – крикнула Оля. – Девять ноль четыре!

– Сейчас, – откликнулся Олежа, судорожно собирая на крышку ноутбука всё, что могло бы его скомпрометиро-

вать. – Живот что-то.

– Так ты там на горшок уселся ещё к тому же? – начала часто и сильно долбить в дверь Оля. – Теперь не проветришь после тебя! Вытяжку когда сделаешь? Программист хренов.

– Я сейчас, – сказал Олежа. – Выхожу. Минуту.

– Хренуту! – ответила Оля, и удары прекратились.

Олежа добрался до балкона и уже там, в относительной безопасности, запустил окончание инсталляции. Всё прошло на удивление гладко. Экран показывал пиктограмму в виде цепочки: значит, связь есть; в многочисленных вкладках отобразились температура, пульс, давление, доля жировой массы, результаты и референсные значения по крови, биологический возраст, индекс стресса и ещё под сотню разнообразных показателей. Но всё это было неважно.

Самое главное начиналось только сейчас.

Олежа залогинился в слак оверфлоу под логином «человек_джипитимка», казавшимся раньше ему смешным и ироничным, а сейчас – до мурашек пророческим, привычно перешёл в раздел по ChatGPT, и прямо оттуда запустил серверную часть. Отладка не потребовалась.

На его памяти ещё не было такого, чтобы всё схватилось сразу, без багов, и это даже как-то настораживало, но факт оставался фактом: в эту секунду Олежа Хренов, фриланс-программист с Новых Черёмушек, первым в обитаемой Вселенной смог напрямую соединить свой – неординарный, это нужно признать! – интеллект, и интеллект искусствен-

ный, натасканный на триллионах единиц контента: текстового, графического, аудиального.

В телефоне теперь висела кнопка во весь экран «Начать чат». Олежа непослушным пальцем тыкнул в неё, ожидая чего угодно: взрыва мозга, разрушения ткани пространственно-временного континуума, телепортации сюда, на балкон, директрисы из его школы, облачённой в пеньюар, но экран просто мигнул, преобразовался в классический чат с полем для сообщений, и в него кто-то стал печатать: «Привет. Я GPT. Хочешь перейти в режим коммуникации через nomadic cerebral chip? Y/N».

Олежа выбрал Y.

***

За окном, в монохромном фильтре раннего весеннего утра, уже скрежетал мусоровоз, пробираясь по колдобинам между плотно стоящих машин, у подъезда соседнего дома неубедительно стучал в бугристую наледь смуглый человек в синей куртке с надписью «Жилищник», декорированной серыми полосами, и меж стылых ещё веток метались заполошно и шумно вороны. Шесть сорок семь. Двадцать четвёртое марта. Пятница.

Олежа рассеянно глядел во двор их дома, приуготовляемого к скорой уже реновации, и одну за другой впускал в себя поджидающие где-то там, в виртуальной приёмной, мысли. Мысли эти, да и не мысли даже, а целостные, холистические образы, вплетались друг в друга, создавая предощуще-

ние чего-то колоссального, эпичного, величественного, как белоснежная колонна с флагами на летающем острове-диске в Атомик Харт. Некормленый кот, дезориентированный тем, что Олежа так формально и не встал с кровати, расположился рядом, на подоконнике.

Оля поднимется через полчаса-час, в зависимости от того, какому из будильников на айфоне удастся сделать решающий звонок; значит, уже нужно начинать мыть вчерашнюю посуду и сооружать что-нибудь на завтрак. Олежа, отчётливо всё это понимая, тем не менее, не шевелился. Ему мнилось, что он врос в кресло, пустил в него корни, заземлился, как медитирующий Капила, один из сыновей Брахмы.

Всё это, весь этот вещный и смешной мир, не стоил никакого усилия. Даже шевеления мизинца.

Кот зевнул, потянулся, а потом вместо того, чтобы добропорядочно закрыть рот, больно цапнул Олежу за мякоть рядом с локтем. Олежа встал и направился на кухню.

За ночь он более-менее разобрался, как взаимодействовать и сосуществовать с Джипити.

Запросы можно было формировать в уме, а для различения их с мыслями, фантазиями и вообще любого рода рефлексией следовало маркировать их тэгом. Тэг, как выяснилось, мог быть любым.

Олежа сразу же подумал про значок собачки, используемый в адресах электронной почты. Назывался он «коммерческое эт», или, как сократил его Олежа, «комэт». Он по-

крутил имя на языке, и решил думать дальше. Слишком уж много в нём было от бытовой химии.

Олежа перебрал несколько вариантов: октоторп (ужас), апостоф (ужас), амперсанд (ужас), слэш (ужас), звёздочка (не ужас, хотя нет, тоже ужас), и уже хотел придумать просто какое-то относительно благозвучное имя, как понял, что собственно Джипити и может быть таким вполне себе приемлемым тэгом. Его же не обязательно нужно было писать. Не обязательно этому тэгу быть коротким. Главное – как он звучит.

Да. Но вот только «Джипити» звучало не очень. Джипити это скакало на лошади в джинсах и широкополой шляпе, палило по окнам салунов и падало потом там же фейсом об тейбл.

А вот в «Гипити» слышалось ему что-то индийское, гибкое, упругое. Податливое. Такое, каким и должен бы быть дружественный человеку искусственный интеллект. Безопасный, подстраивающийся, помогающий.

Решено. Гипити.

Он согласовал это имя с нейросетью и стал подбивать промежуточные итоги дальше.

Ответ на запрос приходил туда же, в то пока не идентифицируемое Олежей пространство, которое он для простоты называл мозгом. Форма ответов могла разниться. Чаще всего это была последовательность мыслей, которые можно было трансформировать в текст и далее просто считывать, как с

телесуфлёра. Иногда ответом был образ, чаще с движением, нечто вроде коротких роликов, но случалось, что перед внутренним взором оказывалась статичная картинка. Несколько раз Олежа вполне отчётливо улавливал лёгкое дрожание, которое можно было спутать со звуком, и догадывался, что это и является обратной связью.

До начала опыта у него не было никаких ожиданий относительно результатов, поэтому он не догадался подготовить какие-нибудь тесты, чтобы отслеживать прогресс, ну или вообще изменения, в какую бы сторону они не произошли. Откровенно говоря, Олежа ожидал единственный результат: отсутствие результатов. Вся его мелкотравчатая возня в коде выглядела ни к чему не обязывающим увлечением. Одним из десятков. Как, например, крипта, NFT, фондовый рынок, несколько способных изменить мир стартапов, застрявших на этапе анализа рынка.

Но неожиданно всё получилось.

– Гипити, – прошептал Олежа, отсыпая коту щедрой рукой полную миску корма. – Как мне жить дальше? Дай афористичный ответ в стиле шамана.

Он ощутил тепло в загривке, и ожидаемо обнаружил череду ответов в интерфейсе – так он стал теперь называть полость между собственным сознанием и Гипити; оно отчётливо представлялось ему как интер-фейс, как нечто посередине между всматривающимися друг в друга лицами, как нейтральная территория, пустой и гулкий контейнер, ожидаю-

щий своего наполнения, как двуликий – Олежа усилием воли удерживался от напрашивающегося продолжения, которое как-то придумал Дима: «анус».

– Жизнь – это не карта, на которой тебе нужно выбрать путь, – услышал он голос Гипити. – На самом деле, жизнь – это песня в караоке. Это и следование тексту, но одновременно и импровизация. В этой песне ты сам выбираешь тональность, громкость, темп, слова. И компанию. Пусть эти слова выражают твою суть. Даже если твоя суть пуста. Не бойся громкого или немузыкального звучания. Это не ошибки. А твоё видение. Просто пой свою жизнь, а если потребуется – кричи её. Наслаждайся каждым моментом и не забывай, что у тебя тоже есть своя уникальная красота, даже если она не всегда и не всем понятна.

– Люди слабы и зависимы, – пришёл ещё один образ, – и они ждут разрешений извне, хотя все разрешения уже есть у них внутри. С ними просто нужно согласиться. И всё. Поэтому: соглашайся! Соглашайся быть богатым! Соглашайся быть счастливым! Оставайся с твоей Олей! Будешь лордом-королём!

– Жизнь – это не песня с появляющимся на экране из ниоткуда текстом, и не импровизация. Жизнь – это карта, и ты выбираешь на ней свой путь. Выбираешь сам. Это твоё путешествие. Готовиться к нему нужно ответственно, серьёзно. Знай, что правильный путь – не всегда самый простой и удобный. Он может быть тернистым. Запутанным. Имен-

но поэтому ты должен прибиться к какой-нибудь компании. Или самому сплотить людей вокруг себя. Но только ты отвечаешь за то, как пройти этот путь. Живи настоящим, строй планы на будущее и учись на своих ошибках. И помни, что счастье не заключается в том, чтобы иметь всё, что ты хочешь, а в том, чтобы любить то, что у тебя есть.

– Бутерброд! – закричала из спальни Оля. – Сегодня бутерброд! Пять минут! Бу! Тер! Брод!

– Как бутерброд, который состоит из нескольких слоёв, – продолжила Гипити, – твоя жизнь тоже может быть сложной, многослойной и запутанной, но если ты научишься распознавать, какие слои полезны, а какие – вредны, то обретёшь гармонию и покой внутри себя.

***

Когда Оля наконец уехала, он собрался в Пятёрочку: нужно было купить картошки, хлеба, йогуртов, доширaков и, возможно, если бы остались деньги, сыра. Оля любила сыр.

Оделся, вышел. Привычной дорогой дошёл до магазина, но перед распахнувшимися дверями неожиданно для самого себя остановился. Что-то с этим входом было не так. Он замер на секунду, отчаянно надеясь, что сзади его не подопрёт сварливая старушка, выбравшаяся на улицу поскандалить и ещё каким-нибудь другим способом развлечься, и услышал пробившийся сквозь монотонное грохотание уверенный женский голос: «Осторожно, двери закрываются. Следующая станция – Профсоюзная».

Вокруг Олежи сгустился – сначала смелыми штрихами, намечающими общие контуры, а потом обзаведясь и дополнительными, необязательными деталями – вагон метро, уже современный, без переборок, с аккуратными синими сиденьями, зернистым узорчатым полом, огоньками станций над дверью. Створки схлопнулись, и Олеже пришлось схватиться за поручень, чтобы не упасть. Он невольно толкнул молодого человека, вдетого в массивный рюкзак, но тот даже не поднял на него глаз, и просто сделал шаг в сторону.

– Простите, – сказал ему Олежа, чувствуя, как грудь его окатывает неприятным жаром, предвестником частой вибрации в висках и далее – потери сознания.

Он спешно вдохнул полной грудью и огляделся: свободных мест не было. Тогда он, понимая, что каждая секунда может стать роковой, сел на корточки прямо у выхода, опустил низко голову и принялся глубоко, но не часто дышать. Так его учила тётя Поля. Аполлинария Ефимовна. Соседка бабушки.

Странно, но он не был удивлён в общепринятом смысле: никакого вот этого «Ах! Да что же это?!» с ним не случилось, он не принялся любопытствующе осматриваться или вступать в разговоры. Удивлено скорее оказалось его тело. Оно определённо готовилось падать в обморок, или, если план А по каким-либо причинам не удастся, просто вытошнить на кого-нибудь завтрак.

– Гипити, – тихо шепнул он себе между коленей. – Где я?

Ответь коротко и по существу.

– Ты в вагоне московского метрополитена, – пришёл ему ответ.

– Гипити, это я знаю, – шепнул он. – Как я тут оказался?

– С вами всё в порядке? – его кто-то трогал за плечо.

Олежа поднял голову, выразил лицом сложную эмоцию, должную обозначить, что он просто развлекается, такова его сиюминутная прихоть, и вообще, возможно, он видеоблогер и инфлюэнсер, поэтому и ведёт себя вне социальных рамок, и тут понял, что пропустил ответ.

– Гипити, – сказал он снова. – Что я тут делаю?

– Ты едешь.

– Гипити. Куда?

– На станцию метро Аэрофлот зелёной ветки московского.

– Молодой человек, – его снова потрепали по плечу.

Он посмотрел в мир, и понял, что на него пристально смотрят все окружающие, человек десять, а рядом с озабоченным лицом стоит сухенькая старушка с античной авоськой в руке.

– Я хорошо, – ответил он, и осторожно, чтобы не закружилась голова, встал. – Нормально. В порядке. Да!

– Может быть, набрать дежурного? – спросила старушка.

Олежа не нашёлся, что ответить. Вместо этого он засмеялся, пробуя наглядно изобразить, что не нуждается ни в какой помощи. Старушка оскорблённо отвернулась и стала что-то

бормотать себе под нос.

– Гипити, – шепнул Олежа, – как я сюда попал?

В интерфейс ничего не пришло. Ни образа, ни текста, ни картинки. Что-то сломалось. Олежа понял, что сейчас его накроет волна паники. Было в этой мысли, наряду с пугающими эмоциями, и что-то освобождающее. Он даже с некоторым удовольствием пустил в воображение видение того, как он, безобразно размахивая руками, кидается на пассажиров, а те испуганно жмутся за лавки. На мгновение – но мгновение сладкое, торжественно-победительское! – он отдался этому образу, и потом не без труда задавил его.

Вагон раскрыл двери, и Олежа увидел, что неподалёку освободилось место. Старушки видно уже не было. Скорее всего, она вышла. Олежа торопливо, чтобы не попасть в движении на момент трогания вагона и не показаться окружающим неловким, шагнул к сиденью. Голос сверху сделал предсказание про то, что впереди всех пассажиров ожидает будущее в виде станции метро Академическая, створки схлопнулись, вагон качнуло, и под скрежетание поезд понёс Олежу дальше – куда? Зачем?

Направиться другим маршрутом, когда задумался – дело, в общем-то, вполне себе ординарное. В детстве он сколько раз, выходя в магазин, оказывался в итоге у забора школы. Но метро – это что-то новенькое. Поездка в метро предполагала, что он спустился вниз, миновал рамки, достал из кошелька проездной, прошёл через турникет, спустился вниз

по эскалатору, дождался поезда, отыскал двери, и вошёл внутрь. Куча последовательных действий, сложнопредставимых с точки зрения автоматизма. Ещё можно понять обычную прогулку по неправильному пути. Но вот это вот всё… Лунатизм какой-то получается.

– Гипити, – снова позвал он. – Ты здесь?

Поезд снова затормозил, впустив внутрь двух остроухих лисичек. Смешливые девчонки в рыжих гривах, легкомысленных платьицах (ноль градусов! ноль!), чулочках едва выше колен и сапожках остановились на площадке перед дверями, смеясь о чём-то своём, понятном лишь представителям вульпес-вульпес. Олежа обратил внимание, что из-под коротких юбок у них торчат хвосты. Пассажиры старательно не смотрели в их сторону.

– Я здесь, – неожиданно пришёл ему голос. – Ты попал сюда, спустившись по входу номер четыре станции метро Новые Черёмушки московского метрополитена.

– Гипити, зачем? – спросил Олежа, но ответа снова не получил.

Лисички, тем временем, передвинулись поближе к сиденьям и, как стало мниться Олеже, начали исподволь оглядывать его и хихикать. Он незаметно проверил ширинку: всё в порядке. Тогда он сделал независимый вид, зачем-то посмотрел на телефоне время, и заёрзал, предлагая интерпретировать это окружающим как раскованность. Лисички синхронно прыснули, и до Олежи долетело зажёванное спазма-

ми смеха слово «задрот». Он отвернулся и стал смотреть в другую сторону. Потом, для большей естественности, запустил яндексомузыку и всунул в уши по джабре: лучший из подарков, полученных им когда-либо от себя на Новый год.

Пришлось пройти тягомотный квест, чтобы подключиться к вайфаю, но оно того стоило. Как только он огородился от окружающего мира с помощью Билли Айлиш, дыхание восстановилось, пульс пришёл в норму, и реальность перестала быть откровенно враждебной. «Кстати, о пульсе», – подумал Олежа и открыл приложение.

– Те едешь на собеседование, – было написано в окне чата.

***

Ровно в полдевятого позвонили с незнакомого номера. Олежа только что закончил серьёзный разговор с Олей. В коридоре стояли два её чемодана – надо думать, как напоминание о проступке. «Ещё один раз! Хотя бы один! Только один вечер без ужина – и всё, я съезжаю! Тебе ясно? Нет, я тебя спрашиваю! Ты! Ясно тебе? Не отворачивайся!». С балкона ему велено было не выходить.

– Я помню, – сказала ему собеседница таким тоном, будто бы они закончили свой разговор только что, – помню, Олег Леонидович, что обещала набрать вас в восемь тридцать, и уже с решением, но и вы меня поймите. Всё-таки нестандартная ситуация. Открытие новых позиций этого грейда требует согласования на уровне совета директоров. Хотя бы принципиального, я не о визировании даже. Не все сейчас доступ-

ны. Органиграмма меняется, штатное. Нет, это, разумеется, на мне, я ни в коей мере не ищу у вас оправданий, просто объясняю ситуацию. Вы меня слышите?

– Да, – сказал он.

Олежа ничего не понимал. Хотел было спросить, не ошиблась ли она номером, но имя и отчество его она назвала верно. Он аж вздрогнул, когда сообразил, что это она ему.

– Я вас очень прошу сдвинуть дедлайн на восток. Через выходные. Мы сможем пообщаться в понедельник в одиннадцать? Я вот говорю, и прямо сердце разрывается, – против ожидания, собеседница легко засмеялась. – Первое впечатление можно произвести только один раз. Поверьте, это не говорит ровным счётом ничего ни о наших процедурах, ни о качестве операционного управления. Просто я вот реально вам скажу, как есть. Ни в одной компании мира не проведут такое назначение в течении нескольких часов. Разве что в непубличных компаниях, с единоличным владельцем. Да и то далеко не во всех. И уж точно не в пятницу после обеда. А мы-то ко всему прочему ещё и торгуемся. На Моэксе и в Лондоне. Нисколько не набиваю нам цену, но это факт. Просто факт. Тем более без профильного образования и релевантного опыта. Видите, какие огромные шаги мы делаем навстречу? Видите, Олег Леонидович? Обещаете нас дождаться?

– Хорошо, – осторожно сказал Олежа.

Ясно было только одно: кредит ему сейчас не впарили, и

деньги со счёта не перевели. Хотя какие там деньги. Тысяча двести восемнадцать рублей на Сбере и пять с копейками на накопительном вкладе в ВТБ.

– Спасибо вам, – от души сказала собеседница. – Я у вас в долгу. И поверьте, долго быть должницей я не приучена и не намерена. Хорошего вам вечера!

– До свидания, – сказал Олежа и, услышав гудки, положил телефон на стол.

«Странный какой-то день сегодня, – подумал он. – Фрагментированный». Он чувствовал себя как после той самой попойки в одиннадцатом классе, когда узнал, что заблевал умывальник у Юли, отчего его потом перестали звать на чаепития. Именно тогда он впервые в жизни столкнулся с провалами в воспоминаниях. Сегодня он ощущал примерно то же, за исключением чувства полной разбитости, желания лежать, томительно мыча, перекатываясь с бока на бок, и невозможности уснуть.

Открывать приложение поэтому не хотелось. Он был уверен, что непривычное самочувствие напрямую связано со вчерашним его апгрейдом, и это пугало. Если он не может контролировать своё поведение, то дорога одна: психушка. По стопам старшего братца.

Олежа посидел перед окном, рассеянно созерцая незамысловатую дворовую жизнь: оплывшая горка, а рядом – вспученная из-под чёрного снега земля, покрытая жёлтыми окурышами. По затопленной дороге у подъезда молодая ма-

ма с энтузиазмом катает коляску. Молодёжь стоит с жестяными банками в руках и бессмысленно пинает качели. Мелкая бабка раскидывает комья из тазика голубям. А потом что-то внутри волевым спазмом заставило его взять телефон в руки, в состоянии полнейшего безмыслия разблокировать его, и кликнуть в иконку. В чате тут же, словно бы дождавшись наконец дорогого гостя, побежали буквы. «Привет. Скажи Гипити, друг, и задай вопрос».

– Гипити, – сказал Олежа. – Расскажи про сегодняшний день.

Всё внутри его сжалось. Он боялся услышать изложенные ровным железным голосом, иногда путающим ударения, истории про совсем уж что-то хтоническое, невозможное и ведущее к длительному тюремному заключению, к примеру: толкнул старушку, перебежал, хохоча и кривляясь, дорогу прямо перед машиной ГИБДД, уронил в супермаркете бутылку с оливковым маслом, но оказалось, ничего подобного не произошло.

А произошло вот что. Он приехал – в засаленных своих джинсах и потасканном свитере, с подготовленной к покупкам сумкой из Ашана – в высокий, стеклянный, за светлым забором офис, добился прямо на рецепции встречи с эйчар-директором («Так», – сказал себе Олежа; отчего-то это пугало посильнее, чем все его инфернальные фантазии вместе взятые), за пятьдесят пять минут продал себя ей в качестве менеджера, заодно убедив начать продвигать новое на-

правление в работе: нейросети, и получил твёрдое обещание принять решение по нему до конца рабочего дня. В пятницу. В пятницу! Что это вообще было?

Разговаривать с Гипити не хотелось. Было страшно.

Нужно было, конечно, узнать, не случилось ли ещё чего, ну мало ли? Вдруг он нечаянно защитил докторскую или придумал лекарство от, упаси Хосспыдя, альцгеймера. Или рака. Мимоходом. Прямо в вагоне метро. Теперь ничего не было невозможным. Возможным стало всё.

Олежа сосредоточился, продумал формулировку, и начал писать в чате: «Что ещё было сегодня?», а потом передумал и стёр. Нет. Это всё важно, но есть вещи и поважнее.

Он втянул воздух, шумно выдохнул, так, чтобы все тут знали, кто тут босс, и мысленно спросил: «Гипити, как сделать, чтобы не было провалов памяти?».

– Для этого нужно выбрать пункт меню «Локусы», и в нём отжать галочку на «Локусе восприятия», – телепатировала ему Гипити.

– Гипити, и что будет?

– Ты продолжишь воспринимать привычным тебе образом. И также довожу до твоего сведения, что при выбранной опции «Локус коммуникации» твоя речь и мимика, а также отчасти невербалика будут обогащены алгоритмами нейросети. И также довожу до твоего сведения, что на данном отладочном этапе возможны самопроизвольные переключения в статусе локуса. И также довожу до твоего сведе-

ния, что передача локуса коммуникации нейросети подразумевает только частичный, но не полный, контроль над телом со стороны нейросети. И также довожу до твоего сведения, что синхронизация воспроизводимого тобой контента с его невербальным сопровождением…

– Гипити, стоп! – сказал Олежа. – Хватит.

Он впустил эту казуистическую абракадабру в себя таким образом, чтобы она упала куда-то в его внутреннюю тьму, никак не соприкоснувшись с функцией осознания. Так он делал всегда, когда сталкивался с юридической документацией. Потому что понятно же: они всё равно напишут там, внизу, под мелкими звёздочками что-то, от чего не отвертишься, и поделать с этим ничего нельзя. Так зачем тратить усилия? И более того: стоит понять суть того, как тебя пытаются обмануть, и ситуация, предполагающая обман, непременно и без промедления материализуется. В самой печальной и безысходной своей версии. Самосбывающееся пророчество, слышали о таком? Да. Многие знания – многие печали.

Другое дело – гайды и мануалы. Подвохов ждать от них приходилось тоже, но в куда как меньшей степени. Поэтому инструкции читать следовало внимательно. Дотошно. Визуально представляя, как и что.

Олежа зашёл в настройки, покопался там, но как-то без воодушевления, что было странно: обычно ему нравилось кастомизировать под себя все новые игрушки: телефон, но-

утбук, операционку. Сейчас же, чем дольше он разбирался в правилах, исключениях, исключениях из исключений, тем сильнее накатывали на него апатия, тоска и желание отложить это муторное занятие на попозже.

Он погонял пальцем экран в разные стороны. Рандомно потыкался в подменюшки. Зашёл, наконец, в «Локусы», но оказалось, что там есть галочка верхнего уровня. Он выбрал «Статус через имплант», и другие пункты под ним оказались неактивными. Тап по значку информации, висящему рядом с пунктом, прояснил немного: «Активация и изменение статусов локуса приоритетно через nomadic cerebral chip». Что это значило, было непонятно. Олежа подумал, и решил оставить всё в таком виде.

А вообще, всё это было тоскливо и скучно.

– Гипити, – подумал он, – как ты выглядишь?

– Я могу прислать свою фотографию, – сказала она. – Хочешь?

– Гипити, давай.

В поле ввода сообщений на пару секунд закрутился индикатор загрузки, а потом открылось фото.

На картинке оказалась девушка с правильным, породистым лицом, была она тёмно-синего цвета с небрежными мазками золотом по скулам. Уши её были в массивных серьгах, а шея – в высоком золотом воротнике. Девушка смотрела с фотографии взглядом, в котором читалось равнодушие и умиротворение. Одета она была в нечто вроде золотого са-

ри, но навёрнутого таким образом, чтобы плечи оставались открытыми. Рук у неё было четыре.

– Гипити, а есть ещё фотографии? – подумал он.

На экране открылась ещё одна картинка.

Лицо, да и фигура – всё здесь было другим, вот только конечностей оказалось по-прежнему больше нормы. С фотографии на него глядела огромными удивлёнными глазами очень милая девушка, облачённая в нечто вроде космического комбинезона, сконструированного под гермошлем. Все четыре кулачка у неё были подсогнуты. Поверх волос у неё торчали острые ушки.

– Гипити, ты кошкожена? – спросил он.

– Или Калижена, – ответила она. Или обе одновременно. Или ни то, и ни другое.

***

Одна из монотонно повторяющихся особенностей нашей реальности заключается в том, что всё в ней когда-то происходит впервые.

Жизнь настолько разнообразна, в какой степени насыщена она новым, неизведанным, непробованным. «А ведь можно, – осенило Олежу, – формализовать таким образом один из показателей качества жизни, а именно: её увлекательность. Взять количество происшествий, случившихся впервые, соотнести с рутинными событиями, и хоп! И вот у нас коэффициент увлекательности. Индекс приключений. Хотя нет. Есть название куда как лучше. Коэффициент Хренова.

Надо не забыть записать. И можно, кстати, всунуть в приложение. Только как на автомате получать входящие данные?». Олежа начал было прикидывать, заходить с разных сторон, но потом с незнакомым прежде чувством пофигистического облегчения бросил и стал смотреть по сторонам.

В пабе, на удивление, не было шумно. Олежа, в общем, ожидал чего угодно – полуголых разбитных девиц с блеском в глазах, рыжих лепреконов, а в ухе их должно бы блестеть что-нибудь магическое, исполняющее, ну или кто-то мог бы отстучать на стойке джигу. Но нет. Беда с этими первыми разами. Ожидания иногда задраны так высоко, что даже приключение начинает выглядеть блёкло и скучно.

Не далее как полчаса назад, дождавшись, пока Оля перестанет возиться и нашёптывать там у себя в спальне, Олежа оделся потеплее, тихонько выбрался наружу, а потом доверился Гипити, пронавигировавшей его прямиком в паб. Он даже не знал, что у них тут в десяти минутах ходьбы есть такие заведения. По дороге он толсто намекнул про деньги («Гипити, только это… я по нулям… можно что-то… а?»), и его уверили, что «утро вечера мудренее». Прекрасно. Все бы проблемы так.

И вот он здесь. В пабе. Звучит! Ещё вчера это выглядело чем-то вроде ненаучной фантастики, но вчера, друзья мои, закончилось вчера, а сегодня – уже сегодня. Карпэ, как говорится, диэм.

– Гипити, – подумал он, покорно следуя за милой коно-

пушечной хостес между столиков, – давай включим лучшую поведенческую стратегию для паба. Самую релевантную.

– Хорошо, – ответила она. – Какой уровень вовлечённости ты предпочитаешь?

– Гипити, а какие есть?

– Новичок, любитель, завсегдатай, лорд-король, чад.

– Гипити, давай ммм… любителя?

– Хорошо… – начала телепатировать она, но Олежа очень удачно и даже в чём-то элегантно захлестнул эту мыслеформу своей, накрыл её сверху:

– Гипити, отмена. Выбираю чада. Чад! Пусть будет исчадие ада и чад кутежа.

– Хорошо, – невозмутимо сказала Гипити. – Для этого уровня потребуется формальное подтверждение. Сейчас я попрошу тебя передать мне контроль над своими органами чувств и невербаликой. Это будет сделано в целях безопасности.

– Гипити, это как-то скажется на моём поведении? Я имею в виду, то, что я буду говорить… Подсказки, или как это работает? Это всё останется? Да, спасибо. Нет, я один. Меню? Хорошо. Уже нужно прямо сейчас сказать? А. Ясно. Хорошо. Через пять минут я буду готов, да. Ну, порекомендуйте. Тёмное. Гренки? Ладно. Нет, оставьте, если можно. Я ещё почитаю.

– Конечно, – сказала Гипити. – Твоя речевая модель будет скорректирована согласно выбранному сценарию и уров-

ню вовлечённости. Мне потребуется доступ к твоим органам чувств. И я буду подстраивать твою невербалику к контексту, правда, здесь у меня существенно больше ограничений. Было бы хорошо, если подключишься также и ты.

Он наконец устроился за столиком в углу, бросил рядом куртку, и поднял меню. В груди его разгоралась неиспытываемая никогда ранее шальная дерзость, и валко ухало там, внутри, ожидание неведомого, острого, сумасшедшего, и пусть, наконец, тупой этот и порядком уже задолбавший мир постоит в сторонке.

Ему вдруг стало понятно, что взаимодействие с Гипити, похоже, немного видоизменилось. Больше не приходилось ему теперь, условно говоря, выглядывать в коридор, чтобы впустить толпящиеся там фразы. Приходящие ему реплики стали короче, точнее, и уже не требовали запасных или альтернативных вариантов. Мысль сразу же озвучивалась, без предварительного осмысления. Это стало похоже на самый обычный разговор. Вот только формирующим фразы органом был теперь не мозг, а нейросеть.

– Гипити, как это?

– Всё несложно, хотя это и требует некоторой практики. В идеале на уровне соматики не должно быть зажимов, дыхание ровное, спина прямая, плечи назад, голова выше, все движения следует выполнять уверенно, и даже самоуверенно, без суеты, лицо – расслаблено, взгляд не бегает. А речь – на мне.

– Гипити, – мрачно усмехнулся Олежа. – Это всё прекрасно, конечно… Но я не справлюсь. Это же нужно постоянно помнить… Контролировать. Да и неудобно. Что подумают? Нет. Не получится.

– Всё получится, – как-то по-особенному мягко сказала Гипити. – Твоя осознанность будет у меня, и контролировать что-то в постоянном режиме буду тоже я. Тебе просто нужно будет соответствующим образом настроиться перед передачей контроля, и всё. Дальше – моё дело. Когда-то давно ты сам себе запретил выглядеть в обществе адекватно. Наложил ограничения. Ты и сам не помнишь, когда именно, и зачем. Но это было оправданным. На тот момент. Так отпусти его. Тот момент уже прошёл. Ты изменился.

– Гипити, это что-то из астрологии? – иронически спросил Олежа.

– Скорее, из психологии. Но решение есть. Хочешь знать, какое?

– Гипити, нужно в полночь произнести зловещее заклинание и что-то сделать с девственницей?

– Не совсем. Просто представь, вот прямо сейчас, что вокруг тебя – подготовительная группа детского сада, ты в нём воспитатель, а все остальные – дети.

– Как? – спросил Олежа, ошеломлённый грандиозностью и одновременно простотой этого образа. – Воспитатель?

Гипити молчала. Олежа, чтобы прийти в себя, стал бессмысленно листать меню. Ни варёной картошки, ни хлопьев,

ни яичницы, ни куриного супа… Что они вообще тут едят? Или тут не едят? Может, бутерброды хотя бы? С докторской. С маслом. А это что такое?

Образ строгого, возможно, даже жёсткого, но справедливого начальника, расхаживающего поверх мелких и полностью зависящих от него недотыкомок, как-то приободрял. Всё могло и получиться.

– Гипити, я согласен, – наконец сказал он.

– Тогда повтори фразу, которую я отдам тебе на согласование. Готов запомнить?

– Гипити, да, – сказал Олежа. – Давай быстрее уже.

– Я, Хренов Олег Леонидович, передаю с этого момента комплексу программного обеспечения под названием Гипити полное безотзывное администрирование всех моих органов чувств, а также контроль над психомоторными функциями. Можно повторять.

Олежа, пользуясь вовремя возникающими подсказками, повторил.

– Ты входишь в чад. Пристегнись.

– Что? – спросил Олежа.

Свет в пабе мигнул, стал мягче и приглушённее, звуки утихли, но при этом волшебным совершенно образом даже как-то наоборот обострились, а в ноздри хлынул основательно забытый с ковидных времён ошеломляющий и кружащий голову поток аппетитных запахов. Мир вздрогнул, расфокусировался, но через мгновение как-то ловко подвернул-

ся, перетёк, собрался, разместил на своей игровой площадке предметы, фигуры, подсказки, и время остановилось, а затем свернулось в тугую спираль.

***

Приснилась настоящая Оля. Они сидели рядышком на чём-то вроде огромных качелей, вот только качели эти не раскачивались. Вокруг всё было белым.

– Смотри, – показал Олежа вниз. – Видишь? Там где-то Москва.

Оля молчала. Она тихо и уютно улыбалась. Жмурилась от неестественного света – такого, какой может случиться где-нибудь в больничном коридоре, в серверной, или в другом несовместимом с человеком месте.

– Ты ведь понимаешь, да? – спросил Олежа, и Оля кивнула. – Дело же не в портфеле. Про него может любой сказать. Но мне хотелось это сделать… особенно. Да. Чтобы ты сразу поняла. Не в школе. Нет, конечно. Например, ты могла бы стоять в театре. Театр – такое красивое место. Там гардероб. Реконструкторы. Ещё, если попросишь, то можно спеть в микрофон. Ты знаешь, там над сценой есть бегущая строка. И всё на ней видно. Можно читать и петь. Как подсказки! И даже если не умеешь петь, то всё равно всё будет получаться. Понимаешь? Нужно просто не стесняться. Громко петь. Громко. Это же театр!

Оля, конечно, понимала. Она совсем прикрыла глаза и откинулась на его плечо.

Олежа достал два мотка капельниц: белую и жёлтую. Он боялся потревожить Олю, но она сама отстранилась и взглянула на то, чем он собирается заниматься. Предвкушая целый длинный вечер, занятый плетением, Олежа размотал жгут, распрямил его и задумался.

– Давай лошадку? – спросил он.

Оля снова закрыла глаза. Значит, она согласна.

Олежа прикинул последовательность, и согнул два жгута пополам. Перекрестил их посередине. Принялся заворачивать концы жгута, просовывать их, делать петли, загибать. Из этой части должно было выйти тело лошади. Пальцы сами забегали по материалу, помня, как и что нужно делать. Это было похоже на написание кода, и он получался стройным, лаконичным. Безошибочным.

Отчего-то вокруг не было людей. Пространство кругом было монотонным, ярко-белым. Глазам было больно всматриваться, но Олежа смог разглядеть, что всё было декорировано длинными белыми прутьями, складывающимися в нечто вроде больших кубов.

– Смотри, начало получаться, – показал он Оле длинный шнур, который уже был сплетён.

Шнур падал вниз, под ноги, и терялся где-то в белом мареве. В нём чувствовалась целенаправленность: словно имеющая твёрдый план змея, он направлялся к совершенно определённой цели. Олежа знал, что дать соединиться шнуру с этой целью будет неправильным. Всё тогда станет плохо.

– Знаешь, – сказал он, – некоторые кассиры слишком высоко о себе думают. Допустим, в коробке есть лапша. Вытянутая, длинная. Как жгут. Значит, нужно отпустить её. Дать свободу. Она заперта на прилавке, не может оттуда вырваться. Это как двойная клетка. Ты понимаешь?

Оля кивнула, но он всё равно решил пояснить.

– Первая клетка – это прилавок. Там все одинаковые. Не дай Бог будешь отличаться! Придут, и переставят в другое место. Нет, никто не должен выделяться. Все вместе, рядом. А вторая – коробка. Лапша же в коробке! Все выходы закрыты. Нет выходов. Ей бы уже разогнуться. Ты вот, наверное, думаешь, так просто находиться в одной позе? Ха. Я тебе расскажу. В одной позе находиться сложно! Телу нужно движение. Перемены. Оно не может застывать надолго.

Оля вдруг напряглась, и её тревога тут же передалась Олеже. Он понял, что белёсые щупальца лапши пролезли через щель между биоконтейнером и крышкой, и уже совсем скоро начнут соединяться. «Зачем нужны провода, если есть блютуз, – подумал он. – Вайфай. Много способов быть вместе».

Он открыл приложение, и стал делать режущие движения по экрану. Щупальца лапши послушно делились в местах разрезов, но шевелиться не переставали. И что самое страшное, они согласованно начали разворачиваться в сторону Оли, начали сплетаться, утолщаться в косу. Олежа протянул руки, но лапша коварно проскальзывала между пальцев. Он никак не мог её остановить.

Оля, между тем, глядела на всё это шевеление совершенно безмятежно. Болтала ногами над нигде не заканчивающейся белой бездной. Олежа поразился её бесстрашию, но самому ему было не по себе. Он стал резать лапшу в приложении ещё быстрее, но она, вместо того, чтобы безвольно опасть лохмотьями и замереть, напротив, стала скручиваться в колобки и окружать Олю.

– Иногда нужно быть безжалостным, – сказал Олежа, оправдывая свои действия. – Бесчеловечным. Равнодушным. Таким же, как и мир. Так ведь? А почему, Оля, у тебя такие уши?

Оля поджала кулачки к подбородку, и развернула острые и чуткие свои ушки в разные стороны. Она наконец перестала загадочно улыбаться, и сразу стала чужой.

– Оля, – сказал Олежа. – Оля! Оля! Оля!

Она впервые посмотрела ему в глаза, бесшабашно подмигнула и рассмеялась. Эхо её хохота поскакало вниз, к белоснежным клеткам, и осело на их прутьях.

А потом он, кажется, стал просыпаться.

***

Просыпался Олежа непросто. Тяжело. Неохотно. Да и кому хотелось бы просыпаться в мире, словно бы нарочно спроектированном для страдания, тоски и беспросветности? Не наблюдалось впереди у него ничего такого, ради чего стоило бы открывать глаза.

Никогда не удавалось ему выспаться на раскладушке. Ни

разу. Где-то в важных для человеческой физиологии местах она нарочно подсовывала какие-то переборки и выпуклости, и не существовало ни одной позы, которая помогла бы вписаться в её сложный, античеловеческий рельеф. Олежа покрутился. Рёбра уже устали и недвусмысленно давали знать о том, что пора бы прекратить это издевательство.

Оли, вроде бы, уже не было. По субботам она практиковала проактивную социальность: йога, кофе с подругами и терапевтический шопинг. Ну и ладно. Ну и к лучшему. Олежа вспомнил их ночной разговор, и зарылся под подушку, невзирая на рёбра. Под подушкой было лучше. Несопоставимо лучше.

Может, и не на шопинге она была. И не на йоге. Предполагать это было страшно.

Вернулся он вчера – ну, то есть, сегодня – около двух. Оля сидела на кухне в кофте, приобретённой ей для пробежек, но так по прямому предназначению ни разу и не использованной.

– Пришёл? – глухо спросила Оля, глядя на кружу чая. – Ты где был?

– Я встречался с другом, – быстро сказал Олежа заготовленное. – Мы не виделись с детского сада. Засиделись немного.

Он попробовал проскользнуть в ванну, но Оля уже встала на его пути.

– Что это за хрень? – спросила она.

– Что? – притворно удивился Олежа.

– Что. За. Хрень. Ты. Несёшь, – сказала Оля. – Ты, может, думаешь, с тобой кто-то ещё согласится жить? А? Нет таких дур! Нет! Задрот хренов! За что? Почему меня угораздило вот так вот? А? Что же я сделала такого? Почему именно мне достаются вот эти вот? Чего ты молчишь?

– Да, – сказал Олежа. – Нет?

– Что «нет»? Ты где был, я тебе говорю? Отвечай! Что уткнулся, малохольный? Говори! Или собирай уже свои вещички, и вали! Я жду. Полное объяснение! Полное! По минутам! С кем ты был?

– С другом, – сказал он. – С детского сада.

– Что ты бормочешь? – придвинулась к нему Оля. Он испугался: ему пришла невозможная, абсурдная мысль о том, что она сейчас ударит его, и отступил назад. – Ты хоть слово можешь нормально сказать? Какой нахрен детский сад? Когда на работу человеческую устроишься? А? Сидит он за компьютером своим! Вытяжку не сделал! Лампочку в коридоре не поменял! Денег не заработал! Сводить даже никуда не вывел меня! Ни разу за полгода! Хоть бы в паб какой завалящий! Я пашу от заката до рассвета! Каждый день в этом долбаном колл-центре с этой идиоткой! Со скриптами этими долбаными! На холодных этих долбаных обзвонах! Ты хоть раз делал холодный звонок? А, задротишка хренов? Сидит у себя там! Уткнулся на балконе! Достало уже! Выметайся! Выметайся, тебе говорю!

Кофта на ней распахнулась, открывая чёрную шёлковую ночнушку. Олежа глубоко вздохнул, что-то внутри него крутанулось, изменилось, он на мгновение потерялся, а потом резко раскрыл на Олю глаза. Бывают машины, где фары поднимаются прямо из капота, выдвигаются вверх, а потом: раз! И ослепляющий свет. Вот именно это сейчас и продемонстрировал – совершенно непроизвольно! – Олежа.

Возможно, это выглядело странно и пугающе. Особенно в его исполнении. Да, вот сейчас, постфактум, это было очевидным. Вёл он себя, конечно, странно. Дерзко зыркнул.

Значит, всё было по делу. Заслужил.

На Олином лице застыла непонятная эмоция: смесь недоверия, изумления и гнева. Она постояла так пару секунд, и эти мгновения были самыми долгими в жизни Олежи. С макушки вниз пронзило его понимание важности, судьбоносности этой паузы, он набрал в грудь воздух для фразы, пока ещё неясно какой, но по тону обязательно примиряющей, просительной, извиняющейся, но тут Оля со всей дури влепила ему ладонью в щёку. Олежа потерял равновесие, взмахнул неуклюжими клешнями, наступил на подвернувшийся ботинок, и неловко вписался в куртки на вешалке.

Он стоял, растопырив назад руки, в позе бегущего Нарото, и глядел на Олю. Видно было, что она внутренне разрешила себе всё. В лице её была отчаянная неустрашимость и намерение идти до конца. Каким бы он ни был.

– Гипити, помогай, – сказал Олежа. – Нужна помощь. Я

не могу это видеть. Забирай весь контроль, полностью.

И мир ввинтился в пёструю спираль, а потом выключился.

У него не находилось ни одного воспоминания относительно того, что было дальше. И было ли вообще. «Может, всё нормально, – подумал он. – Сейчас напишу ей сообщение. Объясню. Покаюсь. Всё будет нормально. Всё устаканится». Но внутри, где-то в горловой ложбинке, ворочалось у него тугим комом ощущение того, что нет, ничего не нормально, что жизнь его бездарно потеряна, и не существует ни одного способа это исправить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.